

Г. Н. ВОЛКОВ,

*заведующий научно-исследовательской лабораторией этнопедагогических инноваций,
профессор Калмыцкого государственного университета,
академик Российской Академии образования,
доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ (Элиста)*

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Тема доклада автобиографична. Моя жизнь прошла в эпоху диалога культур, в пространстве или, быть может, на территории диалогов. С ранних детских лет общались с русскими детьми: сестра отца была замужем за русским и жила в русской деревне. В другой русской деревне жили друзья по школе. Из немного отдаленного русского селения у нас в колхозе трудились русские во время уборки урожая. Три соседние чувашские деревни в XIX веке приняли ислам и стали

татарскими. И с ними отношения сохранялись дружеские, братские на всех уровнях, в том числе и в сфере традиционной культуры воспитания.

Диалог культур происходил на паритетных началах. Быть может, частичные отступления от паритетности имели место из-за того, что чуваша татарским владели как родным, в то же время русские владели чувашским лучше, чем чуваша — русским. Однако объяснение в любви девушки-чувашки вышивали

по русским образцам на русском языке, с сохранением нередко и ошибок в правописании.

Диалог национальных культур в условиях билингвизма, трактуемый академиком В. Г. Костомаровым с особенной щепетильностью, со строгим соблюдением гуманности во взаимоотношениях, возвращает меня к событиям семидесятилетней давности, стимулируя диалог с детством и юностью. Двуязычие — реализация диалога, оно естественно, необходимо, закономерно, но родной язык, материнский — язык души и сердца, единственный, любой другой язык — изученный, язык памяти. Так я понимаю Виталия Григорьевича. В данном случае для меня он высший авторитет.

Военные годы расширили диалогическое поле: рядом с нами, в одном классе, оказались русские, украинцы, эстонцы, евреи... Была одна венгерка, дочь коммуниста. Эвакуированные все стали трехязычными. Вероятно, благодаря им поднялся статус и чувашского языка, ибо все приезжие быстро овладели им.

Одновременно в связи с билингвизмом как диалогическим феноменом хочется сказать особо о переводах поэтических произведений. Мне кажется, что роман «Евгений Онегин» мною был по-настоящему понят только после прочтения его на чувашском языке. Пушкин и Хузангай, с одной стороны, ведут диалог, а с другой — они почти соавторы. Это можно проследить даже на одной строке: «Татьяна... милая Татьяна» — у Пушкина, а у Хузангая «милая» доведена до максимума нежности, употреблением в «душе моей» двух суффиксов, выражающих ласку. По правде говоря, чувашская литература стала значительным явлением культуры благодаря Пушкину и Толстому.

Первая моя публикация о диалоге национальных культур состоялась в январе 1946 года. Пусть это была всего-навсего газетная заметка, тем не менее, мне она особенно дорога, ибо все началось именно с нее. Через двадцать лет я издал монографию «Этнопедагогика чувашского народа. В связи с проблемой общности народных педагогических культур». Монография освободила меня от написания докторской диссертации. Была удостоена премии имени К. Д. Ушинского. В протоколе комиссии особо было отмечено, что в монографии реализован принцип народности в полной мере. Однако все-таки самое главное — идея духовной общности народов Советского Союза за счет этнопедагогического диалога культур. Представлен этнопедагогический обзор народов страны, начиная с чукчей и кон-

чая русскими старообрядцами в Латвии. Параллельно делаются экскурсии и в другие страны. Изданы мной две книги сказок мира — «Опора жизни», «В единстве — сила» — опять в форме этнопедагогических диалогов, близких к духовной интеграции.

Решусь отметить, что в монографии дано аналитическое представление культурного взаимодействия почти всех народов Советского Союза, показана интегрирующая, глобализирующая миссия русского языка и русской культуры.

В 1979/80 учебном году на III курсе философского факультета МГУ я прочитал уникальный, на мой взгляд, спецкурс «История коммунистического воспитания». Записалось много студентов, в том числе и иностранцев. Пытаясь принять посильное участие в обогащении их памяти духовными сокровищами человечества, обращался не только к этнопедагогическим диалогам культур, но и привлекал параллельно к дискуссиям Сократа и Конфуция, Лютера и Коменского, Пирогова и Ушинского, Нейлла и Макаренко, Френе и Сухомлинского...

Вечная благодарность Л. Н. Толстому за диалог умного чуваша с Магометом. Позиция русского национального гения в диалоге удивительна и неповторима: «Сделаемся чувашами и послушаем...» Это 1902 год. До чего высоко великий русский этим диалогом чуваша с пророком на равных поднял социальный, национальный, нравственный статус униженного народа!

Сергей Львович Толстой достойно проявил себя как чувашский композитор.

Этнопедагогический диалог национальных культур стал центральной проблемой в научных исследованиях моих многочисленных учеников — аспирантов и докторантов, среди которых представители 32 национальностей. К русским у меня особенное отношение, выражающееся в дифференцированном подходе к казакам, вятским, тамбовчанам, старообрядцам... Мой бывший аспирант А. М. Леонов издал монографию «Возвращение к истокам: морально-этические традиции старообрядцев». Возник диалог, правда, несколько условный, за счет размышлений над смелыми суждениями А. С. Запесоцкого о «новых русских». Существенно помог мне диалог Д. С. Лихачева и А. А. Вознесенского об Аввакуме. К сожалению, до сих пор не удалось мне подняться до глубинных истоков московско-петербургского диалога.

Спецкурс «Этнопедагогический диалог культур» в Калмыцком государственном университете стал общефакультетским, даже сре-

ди предметов по выбору он стал ведущим, главным. Задействованы нами материалы VI Международных Лихачевских научных чтений. Плодотворной оказалась работа над диалогами академика Ю. С. Давыдова — «Власть культуры в университете» (моральный кодекс и заповеди Нового завета). На диалогах строится журнал «Этнопедагогика», издаваемый в Казахстане.

Этнопедагогика — это педагогика национального спасения, всеобщей мудрости воспитания, постоянно иницирующая многосторонний диалог культур. Это педагогика всеобщей любви. Мой двухтомник так и называется — «Педагогика любви». В то же время это глобальная педагогика, открывающая путь к сердцам людей и народов: чтобы узнать народ, надо ознакомиться с его традиционной системой воспитания; это объединяет, сплачивает народы, укрепляет Россию (Е. П. Белозерцев). Основная этнопедагогическая формула ориентирует на диалог культур: без памяти исторической нет традиций, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа как исторической составляющей. Этнопедагогика исключает воспитание людей без роду-племени.

Каждый разумный человек заинтересован в воспитании детей. Среди известных людей нам не удалось обнаружить ни одного человека, равнодушного к воспитанию подрастающего поколения. Поэтому естественно, что в нашем учебном пособии «Введение в этнопедагогiku» в персоналиях особенное место занимают Д. С. Лихачев и Ж. И. Алферов. Первый высоко ценит крестьянскую педагогическую мудрость, оригинально оперирует понятием «праздничное воспитание», второй на конкретном примере показывает, что его мать — великий педагог; незабываема встреча великого физика со студентами-педагогами 17 мая 2002 года. По меркам этнопедагогическим каждый человек хотя бы один раз, хотя бы по одному поступку, хотя бы только ситуативно, бывает талантлив как педагог. Оптимистическая стратегия воспитания, определяемая этнопедагогическим диалогом культур, состоит и в этом.

Благодаря именно этнопедагогическому диалогу национальных культур я был удостоен золотой медали Гердера «За выдающиеся заслуги в распространении русского языка и русской культуры в духе германо-советской дружбы». Подобное признание едва ли может быть частым, а для нерусского человека оно особенно значимо.